

Месть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Месть. Параллели. Максим Горький

I

Бом!.. Звук слетел с колокольни и поплыл ущельем, грустно тая в нём. Вслед за ним – другой, третий... и медная волна звона полилась туда, к угрюмым горным вершинам, спокойно и важно смотревшим в глубокое, синее, безоблачное небо.

На самой высокой из гор лежала пышная шапка снега, и теперь, озарённая прощальным лучом заката, она блестела ярко-красным золотом. Но он, этот последний луч, всё бледнел, – и ущелье, с разбросанными по бокам его серыми саклями, становилось всё мрачнее и мрачнее. По дну его быстро бежала, высоко взбрасывая брызги, маленькая горная речка; холодной сталью блестела во мраке её вода, и шум течения был не жив и весел, а безнадежно грустен, и порой в нём слышались шипящие, злые звуки. Они сливались с звоном колокола, звон заглушал их...

На вершине горы уже угас закат, и ущелье стало похоже на громадную пасть, раскрывшуюся, чтобы проглотить угасающий день. А маленькая грузинская деревенька, спрятанная в нём, ещё не спала; порой из неё долетали голоса людей и блеяние овец...

И когда старый Максим Буадзе, притаившийся высоко над ней за камнем, слышал их, он нетерпеливо щёлкал пальцем по блестящему стволу своего ружья и кидал из-под густых седых бровей острый взгляд туда, вниз, на деревню, откуда лился медный звон и шипящий говор реки. Время казалось ему нестерпимо длинным, и он готов был думать, что этот день нарочно так медленно гаснет, – он хочет помешать ему, старику, уплатить старый долг, долг крови...

Но нет! ничто не помешает. Он решил и дождётся своего, хотя бы ему нужно было для этого неделю пролежать тут, в камнях, над пропастью и узкой тропинкой, лентой окаймившей её крутой край. Когда тот, проклятый, поедет по ней в горы, он, старик, крепко сожмёт в руках своё доброе ружьё и пустит ему в левый бок, прямо в сердце, одну пулю. Этого достаточно, чтобы тот упал с лошади в пропасть, и ни одной кости не останется целой от дьявола.

Романоз Гватуа! Старик Максим представил себе, как крикнет этот Гватуа, убийца его сына, как он закинет голову назад и полетит в пропасть... непременно полетит – тропинка так узка здесь! Он радостно улыбнулся и стал снова пристально смотреть вниз сквозь колыхавшуюся дымку вечерней мглы. Там из саклей выходили люди, такие маленькие, смешные, и один за одним шли к церкви, убедительно громко звавшей их.

А река всё шипела, и тьма, сгущаясь над ней, едва позволяла сквозь свои волны видеть её серебряную ленту. Старый Максим последил за ней глазами, пока она не потерялась среди камней, и, сняв шапку, стал на колени.

– Господи! – сказал он вполголоса. – Ты знаешь, зачем я пришёл сюда, и я это знаю. Не мешай мне, господи! Что должно быть, то будет, и помоги мне, коли милость твоя со мной! Ты ведь знаешь и то, как я любил своего сына, молодца Ваню, и ты видел, как он лежал на земле весь в крови, а я плакал над ним, а разбойник Романоз убежал в горы с тем кинжалом, которым зарезал моего сына. Ты видел всё это и не мешал никому!

Не мешай же и теперь мне, господи! Ты справедлив, и всегда будешь справедлив; и когда я, старик, приду к тебе, – это уж скоро, – ты осудишь меня, как справедливый!

Завтра праздник твой – и ты прости меня!

И он, постояв ещё немного на коленях, надел папаху, взял в руки ружьё и снова стал пристально смотреть вниз. Над ущельем вспыхивали одна за другой звёзды; небо опускалось ниже и принимало мягкий, бархатный колорит; из-за покрытых снегом горных гребней выплывала луна, и они блестели голубым серебром; крепкий кизиль тихо шептался ветками с ветром; звон умолк; последний удар колокола долго плавал по ущелью, ища места, где бы умереть; хмурые скалы отталкивали его, и он, наконец, пропал, потерявшись в изгибах и трещинах гор. Кто-то внизу заиграл на

Месть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

чангури; кто-то тоскливо и ласково запел... и в уши старого Максима вливались то нежные трели металлических струн, то тихие просьбы и жалобы певца. Он пел мягким и гибким голосом о чём-то, чего ему было так жалко, что он потерял, и плакал, и просил отдать ему. Он пел о своём молодом сердце, изъеденном скорбью и болью, – а струны дрожали и пели с ним вместе, то вторя ему еле слышно, то покрывая его громким, страстным звоном. Там, внизу, стало уж так темно, что не видно было ни ленты реки, ни бледно-серых пятен саклей на тёмно-коричневом фоне скал, – ничего, кроме двух жёлто-красных огней, испуганно дрожавших глубоко во мраке.

Старый Максим, выдвинувшись из-за камней, приподнялся на руках и, задерживая дыхание, стал слушать.

– Это он поёт! Это его голос, лисий, хитрый голос; он смягчит души тех, кто слышит его переливы и выкрики, а потом становится сух и остр, как звук удара кинжала о кинжал. Это он, Гватуа, поёт. Скоро ли ты пойдёшь? скоро ли ты пойдёшь, проклятый?! – шептал Максим и скрипел зубами, напрягая зрение и стараясь сквозь мглу различить извивы тропинки, по которой ходят из деревни туда – кверху.

Там – внизу – перестали петь и играть. Песня оборвалась на половине; последняя нота её была высока и хотела быть ещё выше, но у певца не достало желаний или голоса, и она порвалась как-то сразу, без эха, точно упала в быстрые струи речки и они захлестнули её своей пеной. Струны чангури задумчиво подражали ещё немного – и тоже умолкли.

Послышался смех, ржание коня, громкое сердитое «гей!», глухо повторенное несколько раз ущельем... По камням твёрдо застучали копыта лошади, слышалось её дыхание и шорох маленьких камешков, скатывавшихся в пропасть. Вот он едет! Это он, он! Старик схватил ружьё, лёг, положил ствол на камень и замер, считая – вот он сейчас поворотит раз, потом ещё, и поедет назад, и опять вперёд, вверх, и ещё, – эта тропинка то и дело кружится то туда, то сюда, и каждая её линия до поворота не больше тридцати шагов коня. До той поры, как он поравняется с дулом ружья, можно ещё прочитать две коротенькие молитвы... И старик, быстро сбросив с головы папаху, стал вполголоса читать, смотря в небо и соразмеряя слова молитвы с топотом ног коня...

– Вот он!.. – Молитва кончена... Руки старика крепко стиснули ружьё, и он наклонился вперёд, страстно желая скорее увидеть убийцу его сына. Вот он!..

– Нельзя любить человека без того, чтоб не болело сердце... – пел всадник, вдруг вынырнувший из-за угловатого большого камня на повороте тропинки. Его конь медленно и ровно отбивал копытами и фыркал, трясая головой; густая грива взмётывалась вверх и снова тяжело падала на красивую выгнутую шею. Всадник сидел в седле ловко и небрежно. Он закинул голову вверх, смотрел в небо, где много звёзд сверкало ласково и ярко, и тихо пел, одной рукой держа повод, а другой отбивая такт по ножнам кинжала.

– Что ты плачешь, сердце? Давай-ка полюбим другую...

Старик смотрел, стиснув зубы и постепенно наводя ружьё на красивую, залитую лунным светом фигуру убийцы своего сына. Дикая радость давила ему сердце, хотелось закричать, броситься на него и кусать, рвать, мучить этого красавца, любимца женщин, такого смелого, гордого, сильного. Ваню был такой же, как он.

– Э, вот ты как важно качаешься в седле! Погоди-ка немного. Ну, ближе, ближе!..

Проклятый!.. – шептал Максим.

А тот ехал и пел:

– А если и эта обманет, мы найдём себе третью...

Старик Максим кошкой выпрыгнул из-за камней на тропинку, прямо к голове лошади, и гаркнул, взбросив ружьё к плечу:

– Гамарджоба, Романоз! Что, попал, проклятый!..

Как подстреленный пулей, взвился на дыбы оглушённый и испуганный конь; дико

Месть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

крикнул всадник; камни из-под ног коня шумно покатались в пропасть, а за ними, жалобно заржав, сам конь и прижавшийся к его шее, крепко обвив её руками, Романоз.

Старик не успел спустить курка. Он отнял ружьё от плеча, дотронулся рукой до лба с нависшими на него густыми прядями волос и пошёл к краю тропинки. По крутому обрыву ещё катились камни, и среди их шороха был слышен тихий, болезненный полустон, полуржание коня. Луна и звёзды сияли всё так же покойно и ясно, хотя они всё это видели. На краю тропинки стоял старик Максим, опираясь на ружьё, и смотрел туда, вниз. Там было страшно темно. Из склона обрыва выступали острые углы камней, кое-где между ними росли тощие кусты, и потом всё это сливалось в один глубокий, бездонный мрак, – а из него тихо, тихо всплывал кверху полустон, полуржание коня. Из деревни доносился ропот речки, но теперь он был глух, – это его сдавила ночь; и больше нигде ничего не было слышно – ни звука.

– Вот и всё! – тихо сказал старик и вздохнул, вскинув ружьё на плечо. Потом он положил его на землю, встал на колени и громко проговорил:

– Благодарю тебя, боже, что ты не попустил меня замарать мои руки в поганой крови моего врага и сам наказал его, бросив туда – вниз! Он весь расшибся теперь.

Благодарю тебя, боже, господин мой!

И затем уже он пошёл вверх по тропинке в горы. Облитая мягким, серебряным светом луны, его высокая фигура была обаятельно красива, и гладкий ствол ружья холодно блестел. Старик покойно и бодро шагал с камня на камень и скоро пропал среди них.

Ещё немного позвучали его шаги, а потом и они пропали... И всё стало мертвенно тихо, а глухое ворчанье речки ещё более оттеняло эту тишину. Лучи луны упали на тропинку, пройдя сквозь ветви кизила и цепкого держидерева, что росли меж камней, и от этого на камнях нарисовались кружевные тени; они ползали, точно живые, взад и вперёд по тропинке, чуть только ветер качал ветками... и вот, ещё раз, последний раз оттуда – из пропасти, до краёв наполненной мраком, – наверх, где мрак был не так густ, всплыл тихий звук... полустон, полуржание разбитого об острые камни коня.

II

– В Алёшки! В Алёшки!

Это кричат лодочники, перевозящие из Херсона кладь и людей в Алёшки – двенадцать вёрст по Днепру и извилистому, поросшему камышом притоку его, Конке.

– В Алёшки! В Алёшки!

Последние лучи солнца на минуту окрасили в пурпур вершины тополей на том берегу – против города, скользнули по быстрым волнам реки – и исчезли. Небо стало мутным. Мягкий, тонкий мрак вечера плыл из дали и нежно ложился на город, реку, деревья за ней, – а на городском берегу спешно убирали свой товар торговцы овощами.

Большие корзины ярко-красных помидоров вперемешку с тёмно-лиловыми бадражанами, зеленью петрушки, моркови быстро сносились торговцами в кучи; под ними обнажались грустные чёрные пятна земли; берег пустел; лодочники зазывали пассажиров; от берега то и дело отплывали лодки, полные людей и корзин; в воздухе носился говор, шум ударов вёслами по воде; одна за другой лодки терялись за поворотом реки, – и вместе с мраком на всё ложилась печать утомления.

В городе начинали зажигать огни, они вдруг и весело вспыхивали то там, то тут, – и в небе одна за другой разгорались звёзды.

На берегу почти убралась; ещё несколько тёмных фигур торопливо бегали взад и вперёд, но вот и они исчезли, точно проглоченные мраком.

Четверо лодочников остались без работы. Трое из них сидели в лодке – один на корме, двое других посреди лодки, на скамейке, лицом к реке. Они пели что-то задумчиво и нехотя... Один пел, другой в это время молчал, а когда первый умолкал,

Месть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

иногда обрывая песню на полуноте, второй подхватывал звук и продолжал петь, тихо и меланхолично, и так же странно и устало переставал; а пел снова первый, и песня вилась мягкой, непрерывной лентой над холодно блестящими матовой сталью волнами реки, и волны, плескаясь о берег, сонно вторили ей.

Третий, тот, что сидел на корме, закурил папиросу. Её огонёк то вспыхивал, то угасал, и когда он вспыхивал, то освещал толстый красный нос, угреватые щёки и густые рыжие усы курившего.

Четвёртый стоял на берегу в стороне от них, опираясь на весло, и смотрел на город. Фонарщик вынырнул из тьмы и быстро зажёл фонарь; полоса света упала прямо на фигуру лодочника. Это был низенький, коренастый человек лет сорока пяти, с толстыми руками, голыми по локоть, в красной рубахе с расстёгнутым воротом, открывавшим волосатое, сильное тело; на голове у него была надета старая соломенная шляпа, и из-под её оборванных полей он зорко смотрел в улицу, уходившую далеко в город и бедно освещённую.

По ней, направляясь к берегу, шёл лёгкой, торопливой походкой какой-то человек и на ходу весело посвистывал. Вот он спускается по лестнице к берегу – и лодочник двинулся к нему навстречу.

– Со мной пожалуйста, ваше степенство! По знакомству.

– Изволь! Моё степенство по знакомству поедет с тобой; только поскорее.

– Будьте довольны; не раз ездил с вами!

– Да? Ну хорошо.

Пассажир легко впрыгнул в лодку. Лодочник оттолкнул её от берега, неуклюже ввалился на нос и сел в вёсла, поплевав на руки. Лодка скользнула вперёд, пассажир качнулся; вёсла мерно ударяли по воде, и она тихо журчала под носом лодки. На реку от деревьев пали длинные, задумчивые тени, и лунный свет, чередуясь с ними, лежал мягкими, серебряными бликами. Лодка вплыла в узкий приток, окаймлённый по берегам длинными стеблями тихо шуршавшего камыша, и почти что бесшумно скользила по сонной воде. Гребец далеко назад закидывал вёсла, с них в реку падали капли воды с тихим, славным звуком. Небо смотрело на землю миллиардами весёлых звёзд, а их отражения на гладкой, зеркальной воде впереди лодки сияли так грустно и слабо. Но всё кругом было так ласково, тихо и мягко. Пассажир снял шляпу и, раскинувшись на корме, полугрезил, полудумал. Эта река и камыш по её берегам, а за ним тёмные, пышные деревья так хороши, облитые чудным, приветливым светом луны! Новорожденная ночь так свежа и ясна; тени, брошенные ею на всё кругом, тихо колышутся; вольно и легко дышит грудь, и не хочется думать ни о чём, кроме того, что хорошо. Жизнь... вот она, жизнь! Тихо скользит лодка по сонной волне, нежно баюкает душу шелест камыша – и всего одна доска отделяет пловца от дна реки. Это так просто, и из этого следует, что нужно как можно больше жить, и совсем не следует заботиться о том, чтобы дольше прожить. Лучше выпить одну бутылку шампанского, чем пять – красного вина...

А гребец смотрел на красивое, белое и тонкое лицо мечтавшего барина и усердно грёб, то и дело поворачивая лодку то вправо, то влево. Этот приток разделялся на несколько излучин, образовав островки, сплошь заросшие кустарником, а из чащи подымались к небу громадные факелы тополей, и печальные осокори грустно опускали к земле свои гибкие ветки.

Пассажир думал о том, что он молод и любим, что он едет на свидание с той, которая его любит и нетерпеливо ждёт в маленьком, утонувшем в зелени сирени и акаций домике, где всё так уютно и красиво, где в открытое окно льётся запах цветов из сада и смотрит бархатное, тёмно-синее небо! Она сядет к нему на колени и, обвинив его шею своими пышными, белыми руками, будет любовно смотреть ему в глаза и задумчиво в тьму сада в небо... а потом она вздрогнет под наплывом чего-то так сладко грустного и крепко сожмёт его в своих объятиях, а он будет её целовать, целовать...

Есть люди, которым всё это смешно. Да, есть такие люди... они несчастны, они жалки. И, может быть, они смеются только потому, что слишком сильно желали испытать всё это и им не удалось. Ах, тогда они дважды жалки!..

Месть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ну вот, приехали! – громко сказал лодочник и, перестав грести, снял одно весло с уключины и взял его в руки.

– Вот это скоро! Спасибо! – ответил пассажир и, достав из кармана деньги, оглянулся кругом.

– Это что?! – удивлённо спросил он.

Лодка неподвижно стояла среди широкого озерца; спокойная вода, матово-чёрная, холодно блестела; кругом по берегам сплошной стеной стояли деревья, и где на воду падали от них тени, там она казалась бездонно глубокой. Было тихо. Не шелестел камыш, не журчала вода под лодкой; откуда-то нёсся звон; удары колокола были слабы, чуть слышны, они вздохом пролетали над водой и умирали в тёмной массе неподвижно стоявших деревьев; было страшно тихо. Пассажир вздрогнул.

– А город? город?! – спросил он неестественно громко.

Берега повторили «город?!»

Лодочник встал, держа в руках весло.

– Город ещё далеко, барин. Нам туда незачем. А ты вот что: молись-ка богу, готовься... вот я тебя ахну по башке-то и шабаш. Ну!

Он поднял весло на плечо. Звук его голоса был глух, но решителен и твёрд.

Барин слабо опустился на скамью и, тихо ахнув, схватил голову руками.

– Ну, ну! Скорее, коли хочешь помереть по-христиански! Греха-то на тебе сколько? Помнишь? Молись! живо!

Барин вздрогнул и приподнял голову. Всё кругом было страшно тихо, неподвижно, всё умерло; звуки колокола ещё вздыхали и плыли над водой один за одним – и вот умер последний.

С весла капала вода... раз... два... и точно отсчитывала последние минуты человеческой жизни.

Лодочник стоял в суровой, выжидающей позе и, одной рукой держа весло, другой равнодушно чесал свою бороду. Он так и смотрел палачом и судьёй вместе.

И кругом – ни звука!

Барин застонал, простирая руки к чёрной и мрачной фигуре с веслом на плече, стоявшей перед ним.

– Послушай, за что?.. Возьми у меня деньги, всё... не убивай!.. возьми...

Стон тихо пронёсся над водой и пропал бесследно во мгле и молчании.

Лодка закачалась с боку на бок. Это лодочник переступил с ноги на ногу.

И вот он заговорил так же глухо и спокойно:

– Али сказать зачем, проклятая ты душа? Катюшку-то помнишь? горничная у твоей матери была? помнишь, пакостник? кто ей ребёнка-то сделал? ты! А Катюшка-то дочь мне. Понял! ага, анафема, догадался! Готовься, говорю, скорей, а то вот бацну, да и всё тут. Не пикнешь!

Барин в ужасе смотрел прямо в лицо говорившего, спокойное, холодное лицо с оскаленными зубами. Оно было бы не так страшно, если б на нём отпечаталось то, что было в словах, – злоба и насмешка.

Барин задрожал и заплакал, свалившись в ноги лодочника. Лодка заколыхалась, и от неё по воде пошли круги... казалось, вода улыбается широкой, тёмной и страшной улыбкой. Лодочник сел и, положив на колена весло, смотрел на червем извивавшегося в ногах его человека и слушал его жалкие мольбы и рыдания.

Мечь. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Оставь меня жить! Ведь коли убьёшь – узнают, и сам пропадёшь. Оставь!..

Я отдам тебе всё, что у меня есть.. и потом приди.. ещё дам.. сколько хочешь!..

Ты знаешь, я богат.. оставь меня!.. Не убивай, голубчик!..

– А дочку мою как же теперь? Она теперь с господами офицерами по ночам гуляет.

Вчера ей морду в кровь избили. Это как? Кто её в такое место загнал, где всякий может морду бить?! А? собака ты паршивая!..

Затем всё умолкло.

Молчал барин, лёжа на дне лодки; молчал лодочник, усмешкой глядя на него.

Барин лежал неподвижно; лодочник повёртывался из стороны в сторону, и лодка колыхалась, а по воде плыли к берегам эти тёмные, холодные улыбки.. и на берегах зашумели деревья, а вода вдруг покрылась рябью, и эта рябь казалась гримасой, которую сделала вода, чтоб разразиться громким смехом.

– Эй, ты! Будет нюнить! Сколько с тобой денег-то?

Барин быстро встал на колени и, рванув у себя из кармана белый бумажный свёрток, стал, лихорадочно дрожа задыхаясь, совать его в руки лодочника.

– Вот! Возьми!.. Тут всё.. покуда.. семьдесят три рубля.. Вот ещё кольцо.. часы.. вот это – серьги.. я в подарок вёз.. возьми, голубчик!.. Но, ради бога, оставь меня!.. Так хочется жить!.. Родной мой!.., а?.. оставишь?

– Молчи! Деньги я возьму, а это – на вот! Дрянь всё!.. Куда их денешь? Али я вор? Воровскими делами не занимаюсь, сбытчиков не знаю, сунулся продать – и пропал. Так-то..

– А деньги?.. Деньги берёшь?!. Значит, я останусь.. не убьёшь.. А? Хороший мой, скажи скорей!.. Не мучь!..

– А катька? – спросил лодочник.

«Катька?..» – вопросительно повторили деревья с берегов.

Вода улыбалась и гримасничала.. Вопрос о катьке остался без ответа.

Барин снова грузно опустил и лёг на дно лодки, схватив руками голову.

Лодочник взял весло, посмотрел на него и поплевал на руки.. Затем он посмотрел на барина и широко улыбнулся.. Ловкое, сильное движение – и оба весла в уключинах; взмах – и лодка тронулась. Вода судорожно всколыхнулась; раз, два, три.. вёсла снова мерно забили воду, и лодка стрелой помчалась по водной глади.. а вода журчала тихо и весело.

Барин не шевелился.

– Ну, вот что, друг! Ты вставай-ка! пора уж, ладно! Не бойсь, ничего не будет – это я шутил всё. Али ты думаешь, человека так вот и можно убить! Нет, брат, – это дело большое; не наших рук дело. А что я напугал тебя, – прости! Беднота всё наша да житьишко поганое, дуй его горой! А ты, иначе, здорово напугался, а? Ха, ха, ха!..

Смех – добродушный, громкий смех весёлого человека.

Барин вскочил и сел на скамью, изумлённо глядя на лодочника. Тот бросил вёсла и хохотал, упираясь в бока руками и закинув голову назад.

– Слушай!.. – тихо сказал барин. – Так ты это..

– Ну чего? Известно – шутил. Разве человек человека может изничтожить? Ни в каком разе! А сорвать мне с тебя следовало. И ежели бы я к тебе пришёл, дал бы мне пятёрку – и прощай! А я вот догадался, семьдесят три рублика получил! Их,

Мезть. Параллели. Максим Горький gorkiymaxim.ru
семьдесят-то три рублика, в десять месяцев не заработаешь, по нынешнему времени.

А что Катька, так разве беда, что она с офицерами? Вот уж! есть чего тоже! Ещё мне же лучше: придёшь к ней – «Катька, мол, – ах ты, шкура барабанная!» Сейчас она мне:

«Извольте, тятенька, красненькую». А?!. А что ты ей попользовался, так разве кому от этого горе? Вот уж! Я, брат, сам их сестре спуску не давал...

Барин смотрел, – и едкое чувство обиды и желание возмездия наполняло его.

Он пожалел, что с ним нет ничего – ни палки, ни револьвера. Он бы уничтожил этого мерзавца.

А этот мерзавец торжествовал, и каждое его слово и движение ярко рисовало его торжество.

– Вот он, город-то. Приехали! Ну, куда пристать?

– Куда-нибудь! скорее! – коротко и громко скомандовал барин.

– Сейчас готово будет!.. Пожалуйте с богом, господин!..

Лодка толкнулась о берег. Барин встал и спрыгнул на землю. Лодочник приподнял шляпу и серьёзно и покойно пожелал ему счастливого пути. Барин смотрел на него и злобно шептал: «Уезжает!.. уезжает!..»

– Мерзавец! – вдруг крикнул он лодочнику, отскочив подальше от берега. – Подлец! Дочь свою, дочь продал за семьдесят три рубля. Жулик!..

Лодка медленно отплывала, и из неё раздался равнодушный голос:

– А ты бы пораньше, друг милый, начал ругаться-то. Это бы ещё туда-сюда, а теперь-то что ж тут мудрёного и какие смыслы?

Барин зло и громко кричал:

– Найду тебя, найду, убийца! Всю полицию на ноги подыму!

С реки донеслось:

– Ладно, ладно! Вали, посмотрим! Старайся, брат! А пока прощай!

«Прощай!», выкрикнутое громко, долго носилось в воздухе.

Барин постоял и, нахлобучив нервным движением шляпу на лоб, быстро зашагал в город, весь утонувший в тёмной зелени садов.

На реке всё было тихо; в городе, далеко где-то, жалобно выла собака; тёмные, длинные тени лежали на земле, и яркий свет луны облил серебром острые вершины тополей.

Подул лёгкий ветерок... река покрылась тонкой, частой рябью, и мягкий шум деревьев широкой волной пролился в воздухе – влажном и свежем.

III

Отрывок из одного письма

Да, ты спрашиваешь, в каких отношениях я нахожусь в данное время с Варварой Васильевной. С удовольствием сообщаю: я с нею всё порвал.

Вышло это очень оригинально, и я думаю, что для тебя небезынтересно знать подробности. Я расскажу тебе всё, и расскажу не без наслаждения, потому что, как ты знаешь, самая великая победа – победа над самим собой.

Вот слушай!

Ты видел меня в то время, когда я играл перед нею роль объекта, на котором она изощряла своё остроумие, – и фона, на котором её величественная, спокойная

Мечь. Параллели. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

фигура рисовалась как нельзя более выгодно. Ты знаешь, что я увлекался ею. Я говорю – увлекался, и очень серьезно. Я её просил, молил, убеждал, доказывал... Она слушала, холодно улыбалась и молча обтачивала холодные, острые иглы различных сентенций, которые потом прехладнокровно, «с милой улыбкой на бледном челе», втыкала мне в сердце.

Я страдал, насколько это принято среди порядочных людей, и показывал ей, что страдаю, опять-таки настолько же, отнюдь не больше.

Я страдал, терпел и в глубине души был уверен в победе. Эта уверенность поддерживалась во мне до боли раздражённым самолюбием. Оно развивалось с каждым свиданием и понемножку топило в себе то, что я тогда называл любовью к ней. Топило любовь, и из праха любви возрождался, сначала незаметно для меня, новый феникс – желание отплатить ей той же монетой.

Вот он сформировался вполне, и всё уступило ему.

Я, конечно, не мешал. Скажу больше – я был очень рад, ибо нельзя не радоваться возможности сбросить с себя цепи, пусть даже это – цепи любви: они ведь только в стихах, да и то очень редко, именуются сладкими... Человек всегда хочет быть свободным, раз он действительно человек, а не временно исполняющее должность такового существо, знакомое с употреблением брьюк и дара слова и, в силу этого знакомства, ловко умеющее скрывать истину.

Ну так вот, я был рад и употреблял все нити моего ума на сплетение сети, запутавшись в которой, царица моего сердца могла бы познать личным опытом, сколь сладко быть игрушкой в руках себе подобного.

Я думал, думал усердно, и ты увидишь, что далеко не безуспешно.

Я продолжал относиться к ней более внимательно и нежно, чем прежде, ловко и приятно щекотал её самолюбие; постепенно делался её всё более необходимою вещью и в то же время по отношению ко всем другим держался более гордо и независимо, чем всегда. Это не могло не заставить её думать кое-что в высокой степени выгодное для меня и обеспечивающее мне успех. Я видел, что она становится со мной на более близкую ногу и начинает немного щадить меня. Раза два в разговорах с ней наедине я подметил, что её взгляд, обращённый на меня, мягок, пожалуй, нежен, и в отношениях со мной проскальзывает эта женская, хитрая осторожность, вытекающая из некоторого беспокойства – неопределённого, туманного и своим появлением предупреждающего нас о скорой сдаче крепости. Я усердствовал. Она колебалась... Но всё имеет свой конец. И вот я перехожу к сути события.

Мы с ней сидели в саду у пруда в беседке. Ночь только что наступила. Дело было в июне... Соловьи и луна, тени, запах цветов – всё это имелось налицо и в количестве гораздо большем, чем было нужно по ходу дел.

Я говорил, и говорил хорошо, страстно, много... Я вошёл в роль, как говорят.

Если не ошибаюсь, у меня на глазах сверкнули слезинки, что, конечно, не осталось незамеченным ею. Я говорил, говорил, говорил... и, предвкушая победу, говорил ещё.

Но я сидел в полуаршине от нее и длани к ней не простирал.

Наступило время встать на колени – и я встал.

А когда наступило время взять её ручку и поцеловать почтительно и вместе с тем страстно, – то я взял её ручку и поцеловал её почтительно и вместе с тем страстно.

Я ни на шаг не отступил от установленного веками шаблона, ни на шаг – вплоть до конца, друг мой!

И, наконец, я замолчал, конечно, трепеща в ожидании, и из-под ресниц незаметно наблюдал за ней. Она была взволнована, прерывисто дышала, у ней вызывающе страстно сверкали глаза... Ура!..

И вот она протянула ко мне свои красивенькие ручки – они слегка дрожали – и

Месь. Параллели. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
шёпотом, таким, знаешь, страстным шёпотом заговорила:

– Иди ко мне, иди, мой милый, хороший, дорогой!.. Иди скорей!.. Иди же.. я тебя люблю..

Тут я встал с колен. Она обняла меня, плотно прижалась к моей груди и всё шептала, задыхаясь от волнения:

– Иди.. иди!..

Тогда я разжал её руки, крепко обвитые вокруг моей шеи, поднял рукой за подбородок её голову и прямо в лицо, громко засмеявшись, спокойно сказал:

– Не хочу!

И, повернувшись к ней спиной, ни разу не оглянувшись.. ты понимаешь?..

ни разу не оглянувшись назад, громко насвистывая, медленно ушёл по ярко освещённой лунной дорожке сада.

Я слышал, как она упала с глухим стоном, полным ужаса.

Хорошо?

Ну, теперь я сообщил тебе всё интересное.

Да, ещё!.. Моя Бетти оценилась, и я теперь обладаю парой малюсеньких, милых, толстомордых бульдогов.

Прощай! Твой..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!